

слово этому бесславному своему брату; оно дошло до нас и при всей своей превыспренности служит источником для истории этого времени, делая в то же время честь таланту замечательного императора своим образованием, красноречием и царственными манерами очаровавшего парижский и лондонский дворы.

Город Мизитра, резиденция деспота в трех милях от Лакедемона, затмила в эту эпоху как Фессалоники, так и Афины. Она заслуживает поэтому нескольких строк в средневековой истории, ее старинной соперницы. Новая Спарта Палеологов была маленьким местечком, отрезанным от всего мира и находившимся в постоянных сношениях с непокорными племенами Тайгета. Свою независимость лакедемоняне проявили прежде всего решительным изгнанием родосских рыцарей. Византийцам население Лаконии казалось, конечно, грубым и варварским. То, что некогда говорил Михаил Акоминат об Афинах, повторил теперь о Спарте Мазарис, автор одного сатирического диалога мертвых: жить здесь — значит подвергаться опасности превратиться в варвара¹. Ритор Димитрий из Фессалоник, блиставший при византийском дворе, выражал изумление, как Плетон (Плифон), образованнейший грек своего времени, может жить в Спарте, и писал ему по этому поводу: «То, что ты считаешь островом блаженных, есть лишь тень бывшего Пелопоннеса; города и законы исчезли здесь, и добродетель стала позором. Но ты, закоренелый филэллин, воображаешь, что один взгляд на спартанскую землю возвратит тебе ликурга, диктующего свои премудрые законы. Заблуждение исчезнет очень скоро, и ты будешь подобен тому человеку, который бежал от ужасов войны, к массагетам, поднимающим руку на своих родных»²

Развалины спартанской старины давали еще некоторое представление о временах Ликурга и Леонида, Павсания, Лисандра и Агесилая. Знаменитый путешественник Кириак из Анконы посетил Спарту несколько позже, в 1437 году; он нашел здесь народ,

¹ Mazaris 1. с. 230 и примеч. Эллисена, стр. 349.

² Мон. Н. Н. IV, стр. XXXV.